

труде не мусульманских авторитетов, а в основном современных российских политологов и историков.

*Из сб. ст.: Россия и современный мир:
Проблемы современного развития,
М., 2005 г., с. 213–220.*

Ариф Юнусов,
кандидат исторических наук (г. Баку)
**АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ В РОССИИ – СМЕНА ИМИДЖА
И СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ**

Вопреки распространенным сегодня взглядам, азербайджанцы стали оседать в России отнюдь не только в годы существования СССР. История азербайджанской диаспоры в этой стране уходит своими корнями в далекие средние века и связана с торговыми и политическими контактами двух народов. Исторические памятники свидетельствуют о многочисленных путешествиях и контактах купцов Руси и Азербайджана в VII—XII вв. Есть данные и об их проживании в местах торговли. В 1563 г. Иван Грозный разрешил азербайджанским купцам торговать и, соответственно, жить в Москве, Астрахани, Казани и других российских городах. И в более поздний период азербайджанские купцы вели достаточно обширную торговлю в России, в первую очередь в Москве, Астрахани, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани. Они были известны под именем «кызылбашев» (в русских текстах — «кизилбашенины», или «красноголовые») по головному убору азербайджанцев-шиитов в средние века. Конечно, в количественном отношении азербайджанцев в России было не так уж и много, речь может идти скорее всего о нескольких тысячах человек. Однако их торговая деятельность носила выгодный для государства характер.

Наиболее надежные данные о пребывании азербайджанцев в России появляются в нашем распоряжении в XIX в. К 1873 г. на Кавказе проживало 987 тыс. азербайджанцев, в основном на территории современного Азербайджана. В конце XIX в. их численность в Российской империи возросла до 1,5 млн. человек, а к началу 1914 г. составила почти 2 млн. При этом наибольшая концентрация азербайджанцев была зафиксирована в Азербайджане и Южном Дагестане. За пределами Кавказа несколько тысяч человек проживало в тех точках Российской империи, которые были освоены в прежние времена. Казань и Санкт-Петербург

стали культурными центрами для азербайджанцев, а Москва, Астрахань и ряд других российских городов оставались торговыми центрами.

В первые десятилетия после образования СССР кардинальных перемен в жизни азербайджанцев диаспоры не произошло. Незначительное увеличение их численности на территории России происходило за счет естественного роста, а также обучающихся здесь студентов и проходящих службу в армии. По переписи населения 1959 г., в СССР было зарегистрировано 2 млн. 940 тыс. азербайджанцев, из них только 71 тыс., или 2,4% проживало в России, в основном — в Дагестане. Однако в этот период изменились массовые представления об азербайджанцах: в результате советской пропаганды их образ стал ассоциироваться с бакинской нефтью, а также субтропическими, для россиян во многом экзотическими, фруктами и овощами. Население очень хорошо помнило о той роли, которую азербайджанские нефтяники сыграли в войне с фашистской Германией, и поэтому в советских фильмах, художественных произведениях и на пропагандистских плакатах мужественные и усатые азербайджанцы традиционно изображались в спецовках нефтяников. Сложился положительный образ народа в глазах россиян.

В конце 50-х — начале 60-х годов два фактора заметно повлияли на миграцию азербайджанцев в Россию. Во-первых, в Азербайджане в этот период началось стремительное развитие промышленности. В то же время, в соответствие с новой национальной политикой, руководство СССР взяло курс на повышение роли представителей титульного этноса в своих республиках. Применительно к Азербайджану это вызвало заметный приток сельского населения, в основном молодых мужчин, в города, в первую очередь — в Баку. В результате, если в 1939 г. в городах проживало 36% населения республики (причем больше половины были неазербайджанцы), то в 1959 г. — уже 48%. При этом 51% городского населения составили азербайджанцы. К 1970 г. доля горожан перевалила за 50%. В результате в городах, в основном в Баку, возник некоторый избыток мужского населения, который, впрочем, был поглощен тем, что именно в этот период немало молодых людей стало студентами российских ВУЗов, и впоследствии именно это поколение составило костяк руководства современной диаспоры. Во-вторых, в 50–60-е годы были открыты знаменитые нефтегазовые месторождения Западной Сибири и возникла острая потребность в специалистах. Многие азербайджанские нефтяники поехали в этот прежде нелюбимый по своим климатическим условиям регион России. Среди них — будущий министр геологии СССР и президент нефтяной ком-

пании «Роспан» Фарман Салманов, глава корпорации «ЛУКойл» Вагит Алекперов и др.

Численность азербайджанцев в России заметно выросла, в частности, в два раза между 1959 и 1979 гг., достигнув 152 тыс. человек. Поскольку миграционный поток продолжал расти, то десять лет спустя, по данным переписи 1989 г., число азербайджанцев опять удвоилось и составило 336 тыс. человек, или почти 5% от общего количества азербайджанцев в СССР. Как и ранее, больше всего их по-прежнему проживало в Дагестане (75,5 тыс. человек, или 22% российских азербайджанцев). Это было естественно, поскольку в древности южные районы современного Дагестана были частью Азербайджана, да и в средние века территория до Дербента входила в состав или находилась в сфере влияния различных государственных образований Азербайджана. По переписи 1989 г., азербайджанцы компактно проживали в Дербентском (около 58% всего населения), Табасаранском (17%), Рутульском (около 5%) и Кизлярском (свыше 2%) районах. Примерно половина азербайджанцев Дагестана – сельские жители, среди горожан (кроме Дербента, где значительно азербайджанское население) они составляют менее 5%. При этом быт и культура местных азербайджанцев очень близки культуре соседних дагестанских народов – лезгин, даргинцев, табасаранцев и др. Иным было расселение азербайджанцев в других регионах России. По данным переписи 1989 г., азербайджанцы компактно проживали в Москве (20,7 тыс. человек), Тюменской области (19,5 тыс.), Санкт-Петербурге (11,8 тыс.), Саратовской области (10,6 тыс.), Краснодарском (10,3 тыс.) и Ставропольском (10,2 тыс.) краях и, наконец, в Ростовской области (10,2 тыс. человек). Почти 71% азербайджанцев в России – горожане, в селах они жили в основном в Дагестане и Краснодарском крае. Сохраняя знание родного языка (70% свободно владеющих им), 82% азербайджанцев также хорошо говорили по-русски.

Однако с конца 70-х годов в миграциях азербайджанцев в Россию возникли новые направления и тенденции. Во многом они были предопределены теми процессами, которые развивались в тот период в СССР вообще и в Азербайджане, в частности. Так, если верить официальным статистическим данным, то республика в 70–80-е годы была одной из беднейших в стране. Ее граждане имели, по данным 1989 г., самый низкий подушевой доход – 135 руб. в месяц, в сравнении со 182 руб. в среднем по Союзу. Однако уже тогда было ясно, что на официальную статистику опираться нельзя. Азербайджан в последние десятилетия существования СССР находился в достаточно

привилегированном положении: население республики отличается природной предприимчивостью, что в условиях социалистической экономики с ее вечным дефицитом позволяло азербайджанцам находить дополнительные и ускользающие от статистики источники доходов. Так, в 70-е годы в республике таковым являлось широкомасштабное очковтирательство при производстве хлопка и винограда. Не имея возможности выполнять нереальные планы, руководители колхозов, совхозов и районов шли на откровенный подлог: продукция сдавалась государству на бумаге либо закупалась в других республиках. Премияльные за «перевыполнение плана» не только компенсировали расходы по покупке, например, хлопка в Узбекистане, но и приносили ощутимую прибыль организаторам этих акций. Тогда же, по мере расширения миграции жителей Азербайджана во многие регионы России, стали возникать и новые возможности для получения дополнительных доходов. Причем, если на учебу в Москву, Ленинград и другие российские города, а также на разработку нефтегазовых месторождений отправлялись в основном горожане, то теперь речь шла о сельском населении республики. И такие возможности, учитывая недостатки социалистической системы и предприимчивость азербайджанцев, вскоре выявились: местный климат позволял выращивать практически круглый год многие фрукты и овощи, а также цветы, которые в то время были большим дефицитом во многих регионах России. Это и стало торговой специализацией жителей Азербайджана с конца 70-х годов. Торговлей фруктами и овощами занимались в основном выходцы с северо-востока (Гусарский и Хачмазский районы), в большинстве своем лезгины и таты-иудеи (горские евреи), а также талыши и азербайджанцы из юго-восточных районов, в частности Ленкоранского. А цветочный бизнес был полностью под контролем жителей Баку и Апшеронского полуострова, т.е. азербайджанцев и татов-мусульман.

По оценкам специалистов, поставки овощей и фруктов из Азербайджана в Москву приносили в тот период до 800% прибыли за сезон. Но еще большую известность получил тогда цветочный бизнес. С одной стороны, торговцы цветами были в наиболее видных местах (рынки, станции метро и т.д.), с другой, он приносил колоссальную прибыль. Только за один оборот прибыль доходила до 200%, т.е. 1 млн. руб., вложенный в цветы, через неделю давал доход в 3 млн. руб., а в год — гигантский по тем временам доход в 2 млрд. руб. Если учесть, что в тот период официальный курс рубля был равен 60 центам, то станет понятной популярность «цветочного» бизнеса, благодаря которому в Азербайджане сформировалась достаточно стабильная прослойка предпринима-

телей. Естественно, такое выгодное занятие привлекало внимание многих, и торговцам из Азербайджана приходилось вести ожесточенную борьбу с конкурентами. В 1986–1987 гг. азербайджанские группировки смогли взять верх в борьбе с украинскими и прибалтийскими, и до распада СССР почти 80% всего советского цветочного бизнеса негласно контролировали выходцы из Азербайджана. Именно тогда торговец цветами стал символом азербайджанца и кавказца вообще. Победа над конкурентами сразу сказалась на доходах: в 1989 г. из Азербайджана было вывезено свыше 2 млрд. штук цветов почти на 4 млрд. руб. (в тот год валовой продукт республики составил 7 млрд. руб.). Став монополистами в торговле фруктами, овощами и особенно цветами, азербайджанцы сформировали разветвленную и четко действующую сеть перекупщиков и продавцов. Технологическая цепочка от производителей до покупателя не только в Москве, но и в далеких сибирских городах могла насчитывать до нескольких сотен человек. В тот период более 90% цветов в города России поступали по воздуху, остальные – поездом и автотранспортом. Цветы в Москву, к примеру, привозились в аэропорты Внуково и Домодедово в стандартных ящиках, в каждом из которых находилось до тысячи штук. Такие рейсы совершались скупщиками два раза в неделю. В среднем в неделю в Москву завозилось 300–500 тыс. цветов, а в предпраздничные дни — до 1,5 млн. штук. Однако не все реализовывалось в столице – часто она была перевалочной базой для транспортировки цветов в другие области России: в Поволжье, Сибирь, на Урал и в северные регионы. В самой Москве реализация цветов шла через кооператив «Наш дом». Последний определял цену, и никто не имел право занижать ее; непроданные цветы просто выбрасывались. Не каждому удавалось стать продавцом. Азербайджанцы предпочитали брать на работу родственников, земляков или хорошо проверенных знакомых. Конфликтов с милицией или властями практически не было благодаря налаженным с ними хорошим связям; например, отделение милиции, охраняющее крупную торговую точку, получало за это до 300 тыс. руб. Не боялись азербайджанские продавцы и рэкетиров, поскольку имели в своем распоряжении вооруженные отряды. Так, с 1986 по конец 1990 г. у кооператива «Наш дом» был свой отряд боевиков численностью более 30 человек.

Все вышеизложенное привело к тому, что к концу 80-х годов реальный совокупный доход населения Азербайджана был намного выше официального. Накануне распада СССР, по данным прессы, инвестиционные ресурсы жителей республики оценивались экспертами в 26–

28 млрд. долл. Однако, не имея возможности вкладывать деньги в промышленность, население направляло их в частное жилищное строительство и в создания «теневых» высокодоходных производств. Не случайно в СССР Баку считался одним из центров «теневой» экономики.

Когда же в 1987 г. разрешили частную предпринимательскую деятельность и стали повсеместно создаваться кооперативы, отнюдь не случайно среди российских кооператоров больше всего были заметны именно кавказцы, в первую очередь – азербайджанцы. Конечно, советская действительность не позволяла вести бизнес по законам частной рыночной экономики, без связи с криминалом, и это быстро сказалось на их имидже. Был и другой отрицательный момент: поскольку значительная часть жителей республики, по некоторым данным, до 70%, принимала участие в приобретении и расходовании средств от «теневой» экономики, потребитель имел здесь возможность платить большую цену, чем в других частях СССР, а население привыкло зарабатывать больше, чем производить. После распада СССР и по мере нарастания социально-экономического кризиса в России это обстоятельство мгновенно сказалось на отношении местного населения к азербайджанцам.

Россияне десятилетиями воспитывались на антирыночных принципах, необходимости всеобщего материального равенства. В их глазах занятие торговлей было делом низким и постыдным. А в Азербайджане торговля и вообще предпринимательская деятельность были традиционно престижными занятиями. Обладая в последние годы существования СССР значительными ресурсами, азербайджанские торговцы в России не привыкли, в силу своего менталитета и имевшихся финансовых возможностей, считать деньги. А это, с точки зрения рядового россиянина, не являлось положительным обстоятельством. В результате прежний образ мужественного азербайджанского нефтяника, занимавшегося нужным обществу делом, стал быстро меркнуть в глазах российских обывателей. Кроме того, азербайджанцам, особенно жителям сельских районов, с детства внушалось, что главный долг и обязанность мужчины — достойно содержать свою семью. Идеологические установки никогда не играли здесь значимой роли (за исключением незначительной по численности группы обрусевших азербайджанцев, в основном бакинцев), а членство в Коммунистической партии использовалось для карьеры и поиска доходов для своей семьи. Вот почему после распада СССР компартия легко и быстро исчезла с политической арены в Азербайджане.

Дополнительный и очень сильный удар по имиджу и положению азербайджанцев в России нанесли этнические конфликты и начавшиеся в

связи с этим ширококомасштабные перемещения населения. Особую роль тут сыграл карабахский конфликт, вспыхнувший в феврале 1988 г. Из южных районов СССР в Россию хлынул колоссальный поток беженцев. Не секрет, что российские СМИ, в первую очередь, в Москве и Санкт-Петербурге, выступали в освещении ситуации в Нагорном Карабахе с антиазербайджанских позиций. А направленные против СССР и зачастую против России выступления в Азербайджане в 1989–1990 гг. и поспешный выезд из Баку в январе 1990 г. более 100 тыс. русских (в основном семей военнослужащих), еще больше осложнили жизнь азербайджанцев в России. В декабре 1990 г. закрылся кооператив «Наш дом», где в течение четырех лет была сосредоточена торговля цветами в Москве и, под прикрытием которого здесь сформировался мощный азербайджанский криминальный клан. Несмотря на все это, азербайджанцы старались не терять завоеванных позиций. Поскольку после 1991 г. стало сложно перевозить товары из Азербайджана в регионы России, особенно дальние, была изменена схема поставок: теперь цветы и сельскохозяйственная продукция стала завозиться из ближайших республик Средней Азии или Украины. Но это, в свою очередь, вынуждало азербайджанцев начать борьбу по вытеснению с рынков выходцев из этих регионов. И отнюдь не всегда она велась методами честной экономической конкуренции.

Деятельность азербайджанских мигрантов стала расширяться – наряду с традиционной торговлей продуктами сельского хозяйства и цветами они быстро занимали ведущие позиции в сфере общественного питания, открывая шашлычные, рестораны, кафе, а позже казино. Тогда же часть мигрантов включилась в криминальный бизнес и занялась продажей автомашин, но еще больше – торговлей наркотиками. В 1990 г. в Москве Черемушкинский рынок был даже «перепрофилирован» и превратился в основное место наркоторговли, а главной перевалочной базой стала гостиница «Солнечная». Многочисленные облавы и налеты московской милиции ничего не давали: места убитых торговцев, задержанных и посаженных, тут же занимали другие мигранты. В начале 90-х годов азербайджанцы полностью контролировали в Москве Центральный, Ленинградский и Черемушкинский рынки, а основными центрами их бизнеса были тогда рестораны «Арагви» и «Узбекистан». В 1992–1995 гг. московский ОМОН и конкуренты нанесли азербайджанцам ряд серьезных ударов. Чеченцам удалось вытеснить их из ресторана «Узбекистан» и сделать его своей базой. Но постепенно увеличившийся с 1994 г. поток мигрантов из республики позволил не только восстановить утерянные

позиции, но и укрепить их. К концу 1997 г. 12% оборотного капитала азербайджанцев в России приходилось на промышленность, 20 – торговлю, 23 – на банковские операции и 38% – на криминальный бизнес, в том числе торговлю наркотиками и оружием. Суммы, заработанные в тот период российскими азербайджанцами в сфере легального и нелегального бизнеса, оценивались независимыми экспертами в 25–26 млрд. долл. Почти половина, 12–15 млрд., приходилась на Москву. Это намного больше, чем валовой продукт Азербайджана.

Конечно, большая часть этих денег шла не в Азербайджан – сформировавшаяся в тот период новая элита азербайджанской диаспоры предпочитала вкладывать деньги в российскую экономику, что было прибыльнее. Однако на виду у населения были не эти предприниматели, а трудовые мигранты, которые посылали часть заработанных денег на родину своим близким. Остановимся на их жизни и быте подробнее. Покидая родину в поисках средств к существованию, азербайджанцы отдают предпочтение именно России, и это легко объяснимо. Страна соседняя и хорошо знакома, нет языкового барьера. Даже ухудшение отношения русских к азербайджанцам после распада СССР и дискриминационные действия властей, в первую очередь в Москве, не остановили поток прибывающих сюда граждан республики. При этом выезд подавляющего большинства из них в Азербайджане практически не фиксируется, ибо нередко они уезжают, не снявшись с учета, и живут в России нелегально. Сегодня это в основном мужчины 18–45 лет, которые месяцами, а многие и годами нелегально подрабатывают. Данное обстоятельство очень мешает вести точный учет мигрантов, поэтому приводимые в прессе данные достаточно приблизительны. Реальной информацией зачастую не располагают и власти.

В 1998 г., согласно официальным данным азербайджанской стороны, в России проживало чуть больше 500 тыс. граждан республики. А год спустя, при обсуждении в парламенте «Закона о трудовой миграции», председатель комиссии по социальным вопросам Хады Раджабов заявил о наличии в России уже 800 тыс. трудовых мигрантов. Но эти данные явно не вызывают доверия, что признают и сами власти. Из материалов азербайджанской прессы следует, что в 1991–1997 гг. в Россию из республики выехало более 1,5 млн. человек, а сегодня здесь, по неофициальным данным, живет и работает до 2 млн. азербайджанских граждан – почти 25% общей численности населения страны. По оценкам МВД России и прессы, сегодня в Москве проживает около 500 тыс. азербайджанцев, из них 150–200 тыс.

человек — граждане России. Всего же, по российским статистическим данным на 1999 г., здесь насчитывалось около 463 тыс. азербайджанцев — граждан России. По сравнению с 1989 г., за десять лет число азербайджанцев увеличилось на 38%, причем половину прироста обеспечили миграции.

Есть, однако, и другие цифры: по данным посольства Азербайджана в России, до августовского кризиса 1998 г. в Москве работало до 1 млн. мигрантов. Однако после кризиса и начала осенью 1999 г. второй чеченской войны количество азербайджанских мигрантов, по мнению сотрудников посольства, сократилось до 400 тыс. человек. По данным ГУВД Москвы, регистрацию в столице прошли тогда 21 тыс. азербайджанских граждан, следовательно, остальные почти 380 тыс. ее не имели и жили нелегально. Правда, представители азербайджанского посольства утверждают, что число трудовых мигрантов резко возрастает в летние месяцы, порой достигая цифры 2 млн. человек. Завершив свои дела, многие с наступлением зимних холодов возвращаются на родину и, соответственно, общее количество азербайджанцев в Москве, с учетом имеющих российское гражданство, сокращается до 600–800 тыс. человек. У лидеров азербайджанской диаспоры иные данные: в России ныне проживает до 2 млн. азербайджанцев, причем до 800 тыс. человек — в Москве, из которых 100 тыс. являются российскими гражданами. Проживая в Москве, 650 тыс.

граждан Азербайджана работают в сфере обслуживания и в торговле, а около 50 тыс. непосредственно связаны с криминальным миром.

В других регионах России ситуация следующая. В Санкт-Петербурге количество азербайджанцев, по данным диаспоры, достигло 200 тыс. человек. Немало их проживает даже в далеких и холодных для южан районах Сибири и Дальнего Востока. В Тюменской области официально прописано 23 тыс. азербайджанцев, а фактически последних здесь около 100 тыс., в Омской области — до 20 тыс., в Томской — более 50 тыс. человек. В городах Южной Сибири число азербайджанцев приблизилось сегодня к отметке в 150 тыс., а на Дальнем Востоке их больше всего в Приморье — только во Владивостоке проживает около 70 тыс. человек. Интересно, что азербайджанцы стараются селиться в России по «местническому» признаку. Так, уроженцы городов Казах и Акстафа оседают в городах Когалым, Сургут и Тюмень, а бакинцы и жители Апшерона вначале предпочитали в основном столицу России, а ныне, после упадка цветочного бизнеса, начали двигаться на Дальний Восток, оседая во Владивостоке, Хабаровске и на полуострове Сахалин. Как ни удиви-

тельно, но жители субтропических южных районов (Ленкорань, Масаллы и др.), не пугаясь сурового российского севера, успешно осваивают этот регион, и сегодня их немало в Мурманске, Архангельске и других городах Заполярья.

Уроженцы Карабаха еще недавно селились в основном в Самаре и Нижнем Новгороде, а шамкирцы и гянджинцы – в Москве, Подмосковье и в Санкт-Петербурге. Однако происходят некоторые изменения: часть карабахцев, преимущественно беженцы из Агдама и Физули, а также жители Нахичевани все активнее осваивают Москву, и некоторые столичные рынки контролируют уже они, хотя роль выходцев из других регионов Азербайджана здесь по-прежнему велика. Наиболее подробную информацию о путях проникновения нелегальных мигрантов из Азербайджана в Россию и их проблемах дают интервью с теми мигрантами, кто проживает или недавно вернулся из Москвы.

Итак, кто предпочитает ныне поездку на работу в Россию? В подавляющем большинстве, это мужчины в возрасте 20–35 лет, намного реже выезжают те, кому 36–45 лет или еще 16–19 лет. Это естественно, поскольку жизнь трудового мигранта, а тем более нелегально проживающего в стране, очень тяжела и сопряжена со многими трудностями, преодолеть которые под силу в первую очередь физически сильным мужчинам, не отягощенным семейными узами. Со временем, накопив денег, мигранты женятся и по возможности предпочитают перевезти семью в Россию. Но многие придерживаются иной политики: семья остается на родине на попечении родителей или родственников, а мигрант регулярно пересылает деньги.

Вопреки распространенным стереотипам, образовательный уровень азербайджанских мигрантов достаточно высок. Не говоря о поголовном среднем образовании, среди них по меньшей мере половину составляют лица с высшим образованием, в основном с профессиями, не дающими в современном Азербайджане необходимого дохода (учителя, инженеры, военнослужащие, бухгалтеры и пр.) Однако образовательный уровень мигрантов из сельских районов, даже при наличии диплома, все же не соответствует современным реалиям, и именно это бросается в глаза российскому обывателю. Каких-либо языковых проблем у мигрантов нет, особенно у выходцев из Баку и Апшеронского полуострова. А вот жителям сельских районов адаптироваться достаточно сложно, особенно на начальном этапе.

Первая проблема у мигрантов возникает на родине. Для поездки необходимо собрать определенную сумму на первые расходы (по край-

ней мере, на первые два–три месяца). Сюда входит оплата регистрации по месту жительства, аренды квартиры, торговой точки на рынке и определенная сумма на непредвиденные расходы. Как минимум, в Москве требуется сумма не меньше 2–3 тыс. долл., а в регионах – несколько меньше. Поэтому перед поездкой будущий мигрант занят поисками денег, для чего он продает корову или другую домашнюю скотину, машину, дом; иногда деньги берутся взаймы. Очень часто многие родственники или сельчане помогают в сборе денег в надежде, что потом им будет оказана помощь из России. Только собрав необходимую сумму, мигрант направляется в Россию. Поскольку между двумя странами нет визового режима, сложностей с пересечением границ обычно не бывает, особенно при использовании воздушного пути. Те же, кто предпочел автотранспорт или железную дорогу, должны быть готовы к потере определенной суммы уже на границе либо при ее пересечении. Ведь сухопутная дорога из Азербайджана в Россию проходит через крайне нестабильный Дагестан, а также Чечню, где идет война.

Азербайджанский мигрант никогда не направится в Россию, если там нет родственников или земляков. Без предварительной договоренности и помощи соотечественников поездка практически обречена на неудачу. По прибытии мигрант начинает искать жилье. Поскольку в Москве выходцы из Азербайджана в основном заняты в сфере торговли, то они стремятся поселиться поближе к рынкам. Далее следует срочно зарегистрироваться, чтобы не иметь каких-либо проблем с правоохранными органами. Официально регистрация на полгода стоит 500 руб., но для этого надо простоять несколько дней в колоссальных очередях с раннего утра, и далеко не всегда есть шанс получить такую регистрацию. Поэтому мигранты предпочитают передать деньги своему участковому милиционеру, и тот за 1700–1800 руб. (60–65 долл.) избавит «клиента» от изматывающего и во многом унижительного для кавказца хождения по инстанциям. После завершения всех этих процедур покупается место на рынке. Само оно стоит неофициально 1500–2000 долл., вдобавок следует ежедневно платить за аренду помещения не меньше 10 долл. Только после этого начинается сама торговля и зарабатывание денег. Какое-то время она убыточна, поскольку мигранту надо завоевать доверие и многому научиться, что, однако, происходит достаточно быстро благодаря азербайджанскому менталитету.

Конечно, самые серьезные проблемы – это взаимоотношения с властями, в первую очередь правоохранными органами, а также с местным криминальным миром. По свидетельствам самих торговцев, им

с финансовой точки зрения выгоднее платить государству деньги за аренду и другие необходимые услуги, нежели связываться с криминалитетом. Но современные государственные структуры России так тесно срослись с последним, что мигранты вынуждены играть по другим правилам. Торгующие на каждом рынке имеют свою так называемую крышу в лице азербайджанских криминальных авторитетов, а также общак. Иначе говоря, из их среды выбирается человек, которому регулярно передается от торговцев определенная сумма, и если у них возникают какие-то проблемы с милицией или властями, то этот представитель находит решение – дает взятку и вызволяет попавшего в беду торговца. Работникам азербайджанского посольства мигранты не верят, так как те ничем реально помочь не могут, а часто и не желают. Если же возникают более серьезные проблемы, уже с организованной преступностью, тогда в дело вмешиваются азербайджанские авторитеты, которые реально контролируют тот или иной рынок в Москве. В свою очередь, имеется единый московский общак. В настоящее время его держателем является уроженец

Ленкорани

59-летний Алибаба Насруллаев. Имея обширные связи в криминальной среде и правительственных кругах России и Азербайджана, он контролирует Черемушкинский, Усачевский, Рогожский и Велозаводской рынки. Кроме того, он владеет множеством коммерческих палаток, магазинов, кафе и ресторанов, расположенных на площади Ильича, на Таганской площади и у железнодорожной станции «Каланчевская», а также имеет торговые места на вещевых рынках в Лужниках, около станции метро «Петровско-Разумовская» и на Черкизовском рынке. По оценкам мигрантов и лидеров диаспоры, сегодня в Москве азербайджанцы полностью контролируют 23 рынка и еще на пяти они имеют серьезные позиции. Плюс к этому под контролем азербайджанцев по крайней мере три ресторана, семь гостиниц, 12 кафе, восемь фирм, торговые операции на двух вокзалах и еще немалое число торговых точек почти на всех московских станциях метро.

Вот характерная картина жизни в России нелегального трудового мигранта из Азербайджана (из интервью с 28-летним С. Г.): «Родом я из Шекинского района. До недавних времен с трудом, но могли жить. Однако денег становилось все меньше и меньше – работы ведь нет. В семье у нас семь человек. Из-за бедности все время оттягивали свадьбу, но ждать дальше было уже невозможно, и я женился. Вскоре родился сын и по мере того, как он подрастал, становилось ясно, что надо срочно найти рабо-

ту. Как-то встретил знакомого, который сказал, что может помочь найти хорошую работу в Москве. Его шефу нужны свои, очень надежные ребята, и потому он опирается в первую очередь на земляков и проверенных соотечественников. На семейном совете решили, что я должен использовать этот шанс. Продав единственную корову и взяв немного еще денег в долг у родственников, я отправился в Москву. Первые дни ушли на размещение и регистрацию. Каких-либо проблем не было. Все было сделано за меня, помогли через участкового милиционера получить без нервов регистрацию, а поселился я недалеко от Тушинской ярмарки в небольшой двухкомнатной квартире. Со мной проживала одинокая старая женщина, с которой я быстро нашел общий язык. Ей очень нравилось, что я не курю, почти не пью и не ругаюсь, веду себя тихо, слушаю ее рассказы. А по возвращении я всегда покупал ей бутылку вина, которую она распивала во время еды. За это она готовила и убирала за мной. На Тушинской ярмарке практически везде азербайджанцы. Только из одного села Орта (Средний) Зайзид из Шекинского района здесь работает больше 60 человек. Первое время меня негласно проверяли на честность. Всякое бывало... Потом мне стали поручать более серьезную работу. За прилавками мы уже давно не стоим. Сложные времена наступили, и население не очень-то идет покупать у кавказцев, особенно у наших. Во многом сами виноваты. Ведем себя не так, особенно с девушками. Ведь большинство наших из сельских районов, а там отношения с девушками достаточно сложные. Попав же в Москву и имея неплохие деньги, многие ведут себя не очень хорошо. Считают, что русские девушки более доступные. Да и пропаганда каждый день сказывается. Вот почему мы стараемся поменьше на глаза попадаться. Из дома выходим на заре, а возвращаемся поздно ночью. За прилавками стоят в основном украинки, иногда русские девушки. Но предпочтение отдаем украинкам. Они проще, очень надежны и работящие. За это в сутки они зарабатывают три-четыре доллара. Поскольку у многих месяцами, а у некоторых годами нет рядом жен, то многие фактически живут с украинками. Это полностью устраивает обе стороны. Мой друг, который в Москве уже четвертый год, живет с Любой из села Полтавской области. Там у нее остались родители и сын. Так теперь не только она, но и мой друг оказывает помощь ее сыну и родителям. Вдобавок, никто не трогает и не пристает к ней на рынке, что немаловажно, ведь она видная девушка и молодая. Конечно же, друг не забывает и своих близких на родине, пока есть такая возможность. Только за последние три месяца он заработал 5 тыс. долл. Между прочим, раньше в Баку он работал журналистом...».

Интервью с другими азербайджанскими трудовыми мигрантами не очень сильно отличались от приведенного. Разница в деталях: так, на родину своим семьям они направляли от 100 до 300 долл. Если еще совсем недавно азербайджанцы отдавали предпочтение проживанию в городах России, то сейчас иная ситуация. Ведь большинство трудовых мигрантов – выходцы из сельских районов, и в городах они чувствуют себя не столь уютно и привычно. Неслучайно многие азербайджанские мигранты ныне предпочитают селиться подальше от крупных городов, а в последнее время – в селах, где занимаются сельским хозяйством, организуют кооперативы, становятся фермерами. Завершая эту тему, следует отметить, что в целом успешно интегрировавшись в российское общество, в 1996–1998 гг. азербайджанцы переводили на родину, по российским данным, до 2,5 млрд. долл. ежегодно. Немалая часть населения республики, особенно в сельских районах и беженцы, живут фактически за счет средств мигрантов. Правда, сумма денежных поступлений такого рода резко сократилась после августа 1998 г., по оценкам азербайджанских экспертов, – до 780 млн. долл., что, однако, по-прежнему является высокой цифрой. Фактически «российские деньги» составляют более 60% всего заработка азербайджанцев, которые трудятся на родине. Отнюдь не случайно руководство России все чаще стало обращать внимание на деятельность мигрантов из стран СНГ, в том числе из Азербайджана. В конце 1999 г. тогда еще премьер-министр В.В.Путин заявил, что последние в среднем посылают до 200 долл. на родину ежемесячно, а в год – почти 1,5 млрд. долл. Тогда же российские власти впервые заявили о необходимости приостановить отток из России такого количества денег. С 4 ноября 1999 г. Россия в одностороннем порядке приостановила не только воздушное сообщение с Азербайджаном, но также и отправку денежных почтовых переводов. Это вызвало естественное негодование и протест азербайджанской стороны, и вскоре по политическим соображениям движение самолетов и перевод денег были восстановлены.

Азербайджанцы, проживающие в России, конечно, понимают сложность своего положения и тех проблем, которые стоят перед ними. Беда, однако, в том, что диаспора не едина по своему происхождению, социальному составу и возможностям. В период перестройки, но особенно после начала карабахского конфликта, среди азербайджанцев России наблюдалось сильное стремление к объединению. В конце 80-х — начале 90-х годов были созданы многочисленные культурные общества – «Оджаг» («Очаг») в Москве, «Азери» в Казани и Томске, «Булаг» («Родник») в Перми, «Достлуг» («Дружба») в Туле

и др. В Москве стала выходить газета диаспоры «Зия». В 1991 г. была предпринята первая попытка к объединению: создана Азербайджанская гражданская ассамблея России, которая мыслилась как координатор деятельности всех обществ. Однако добиться этого не удалось.

Не стало политическим и культурным центром диаспоры и существующее с 1992 г. посольство Азербайджана в России. Во многом это связано с политическими пристрастиями послов. Нынешний посол Рамиз Ризаев, в частности, является убежденным сторонником президента Гейдара Алиева и, соответственно, не жалуется проживающих в России многочисленных сторонников бывших президентов Азербайджана Аяза Муталибова и Эльчибея. Последние, естественно, платят ему тем же. В результате, несмотря на многочисленность и большие финансовые возможности, роль азербайджанской диаспоры в политической и культурной жизни России в целом весьма незначительна. Правда, она выдвинула из своей среды многих деятелей культуры (певец Муслим Магомаев, писатели Рустам и Максуд Ибрагимбековы, Чингиз Гусейнов, художник Таир Салахов, композитор Ариф Мирзоев и др.), ученых (соратник С.П.Королева, известный специалист в области космонавтики Керим Керимов, историк и главный редактор журнала «Вопросы истории» А.А.Искендеров и др.), самого молодого в современной России генерал-лейтенанта Ильгара Касимова, а также бизнесменов (Вагит Алекперов, Фарман Салманов, Физули Мусаев, Араз Агаларов, Иса Аскеров и др.). Даже в таком, казалось бы, далеком от политики деле, как обучение детей в национальной школе, имеются серьезные разногласия. Хотя еще в 1992 г. при посольстве открылась небольшая школа, вскоре возникла потребность в отдельном помещении, которое долго не удавалось найти. И лишь после согласия мэрии Москвы при школе № 26 в августе 1997 г. открылась национально-культурная азербайджанская школа. В ней учащиеся изучают азербайджанский язык, историю, религию, музыку, культуру, национальную кухню. Однако многочисленные бытовые проблемы, а также проблему учебников приходится решать в Азербайджане, причем не всегда успешно. Лишь весной 2000 г. представителям различных общин удалось наконец-таки найти консенсус и провести в июне в Москве первый общероссийский съезд азербайджанцев. Однако и он не смог в полной мере сыграть свою объединительную роль. Более того, сразу после съезда общество азербайджанцев «Ватан» («Родина») распространило заявление о том, что съезд прошел полностью в советском духе, с заявлениями о «дружбе народов и бурными аплодисментами» присутствующих,

а серьезные проблемы российских азербайджанцев так и не стали предметом обсуждения.

Несколько большую роль играет диаспора в жизни самого Азербайджана. Так, в России нашли убежище прежние руководители республики – А.Везиров и А.Муталибов, а также многие другие политики (бывшие руководитель КГБ Азербайджана В.Гусейнов, премьер-министр С.Гусейнов, министр обороны Р.Газиев и др.). Естественно, их деятельность была направлена против существующих в Азербайджане режимов, в основном против власти Г.Алиева. Это обстоятельство не могло не тревожить руководство страны. Пользуясь этим, российские власти оказывали серьезное давление на Азербайджан и выдавали Г.Алиеву тех или иных политиков (С.Гусейнов, Р.Газиев) в обмен на политические уступки. В настоящее время в Азербайджане существует немало поддерживающих А.Муталибова организаций, которые летом 2000 г. объединили свои усилия. Промуталибовские силы действуют сейчас очень активно. Азербайджанская диаспора пытается участвовать и в политической жизни Азербайджана. Первую попытку предприняла известный московский врач, доктор медицинских наук Л.Ш.Гаджиева: в июле 1993 г. по приглашению Г.Алиева она стала государственным секретарем Азербайджана. В начале 1994 г. ее освободили от этой должности и назначили постоянным представителем Азербайджана при ООН, но она отказалась и вскоре создала в республике Либерально-демократическую партию, которой руководит до сих пор. Несколько лет спустя еще одну такую же попытку предпринял известный московский бизнесмен Физули Мусаев, после женитьбы на итальянке по фамилии Аль Капоне больше известный под экзотичным именем Фрэнк Аль Капоне. Став в России миллионером, он решил проявить себя на политическом поприще на родине, создав в 1998 г. партию «Азербайджан XXI век». Однако, несмотря на свои большие финансовые возможности и хорошую рекламу в СМИ, в том числе российских, Ф.Мусаев не смог найти общий язык с азербайджанскими властями и был вынужден вскоре покинуть республику и прекратить там политическую деятельность.

Если резюмировать сказанное, процесс становления азербайджанской диаспоры в России был сложным и длительным. Начавшись в середине века с приездов немногочисленных торговцев, он получил новый стимул после покорения Кавказа в начале XIX в. Правда, в собственно российских регионах азербайджанцев по-прежнему было всего несколько тысяч – в основном торговцы. По-настоящему история азербайджанской диаспоры в России началась в послевоенный период, а точнее, в конце

50-х — начале 60-х годов, когда открытие нефтегазовых месторождений в Сибири дало толчок активной миграции в Россию специалистов-нефтяников и студенческой молодежи. Именно тогда сформировался костяк современной азербайджанской диаспоры, особенно ее интеллигенция, и именно эти люди позже, в конце 80-х — начале 90-х годов, возглавили азербайджанские общины в России. В тот период в массовом сознании сложился положительный образ азербайджанца — труженика и нефтяника. С конца 70-х годов миграции азербайджанцев стали качественно иными. Располагая значительными инвестиционным капиталом и будучи по своему менталитету предпринимателями, азербайджанцы стали вкладывать деньги в торговлю цветами, фруктами и овощами, став к середине 80-х годов почти полными монополистами. Курс на формирование рыночной экономики, объявленный в СССР в ходе перестройки, позволил многим азербайджанцам занять серьезные позиции в кооперативах, а позже в малом и среднем бизнесе. Деятельность в России этого нового поколения торговцев и предпринимателей привела к тому, что прежний положительный образ азербайджанца заметно потускнел. Ситуацию еще более усугубилась после начала карабахского конфликта в 1988 г. и распада СССР. В Россию из Азербайджана хлынули два мощных потока мигрантов: сначала русскоязычное население (армяне, русские и др.), а с 1994 г. сюда в поисках средств к существованию стали приезжать сотни тысяч азербайджанцев. Оба потока вызвали много отрицательных эмоций у россиян. Вдобавок новое поколение азербайджанских мигрантов было представлено в основном жителями сельских районов, большей частью беженцами из оккупированных армянами в 1992–1994 гг. районов Карабаха. Они плохо знают русский язык и культуру, работают в сфере торговли и достаточно сильно связаны с криминальным миром. В результате, несмотря на наличие значительного слоя интеллигенции, прежний положительный образ азербайджанца сменился в сознании россиянин отрицательным образом торговца.

«Диаспоры», М., 2005 г., № 3, с. 293–314.